

ТЕАТР—ШКОЛА ЖИЗНИ

РЕПОРТАЖ СО ЗРИТЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

С ПЕКТАКЛЬ СТАВЯТ ДЕСЯТКИ людей, а смотрят его тысячи. И для этого большого человеческого коллектива театр — не просто отдых и праздник, но и серьезное искусство. Он учит людей добру, пробуждает прекрасные чувства, делает каждого благороднее, лучше. И, наконец, поднимает самые насущные проблемы современности. Отвечает ли этим требованиям Карагандинский русский драматический театр?

В день закрытия театрального сезона состоялась зрительская конференция, организованная редакцией газеты «Индустриальная Караганда» совместно с руководством театра. Главный режиссер, заслуженный артист Казахской ССР А. С. Подобед коротко подвел итоги работы, проделанной творческим коллективом за год. Тепло поблагодарила режиссеров и артистов тов. Шевченко, одна из участниц строительства театра и постоянный его посетитель, к ней присоединился студент политехнического института тов. Дубровин.

Но всем было очевидно, что большой разговор о театре, его репертуаре и дальнейшем творческом пути, о его влиянии на организацию общественного сознания, на воспитание молодежи в духе коммунизма не мог ограничиться одними похвалами. Так и сказал студент медицинского института тов. Иванюшкин. После XXII съезда партии в нашу жизнь вошло много нового, в стране идет большой разговор о творческом отношении к труду, о рабочей совести, о долге перед Родиной. Нашли ли отражение эти и многие другие злободневные вопросы в пьесах, которые ставит театр, заставляют ли его спектакли призадуматься, осмыслить большие проблемы нашего времени или уводят в сторону от них?

Участники конференции, проходившей после спектакля, были ограничены временем и поэтому только наметили темы для большого разговора. По просьбе редакции они продолжают его на страницах газеты. О «Детях солнца» — спектакле, которым театр закончил свой сезон, сказал

Ю. ГЕРТ,

методист Дворца культуры горняков

«Дети солнца» — одна из самых сложных и интересных пьес Горького. Карагандинцы, взявшись за ее постановку, проявили творческую смелость. Театр стремится четко выявить основную мысль пьесы о связи творческой интеллигенции с жизнью народа. Отсюда, на мой взгляд, закономерен отказ от бытового оформления, вынос действия на открытую площадку, превращение спектакля в спектакль-диспут — о Человеке, его месте на земле, его цели и долге.

Вот Протасов... Правда, исполнителю этой роли Д. Белову недостает той сосредоточенной фанатической преданности науке, которая должна как бы озарять изнутри весь облик ученого. Но тем не менее, Протасов-Белов — это гуманный, умный, бескорыстный человек, посвятивший всю жизнь науке. Но к чему, в конце концов, вся его наука, его бесконечные опыты, если рядом с ним страдают, дурманят себя водкой и гибнут такие талантливые, сильные, яркие натуры, как слесарь Егор? «Человек я, человек! Почему меня все обижает?» — рвется из самой глубины потрясенной души Егора-Макуша, и Протасову нечего ответить, потому что, как ни странно, но среди «всех» не ходит и он сам.

Художник Вагина... «Какое мне дело до людей? Я хочу пропеть свою, свою песню один — для себя...» С губ у него не сходит слово «красота». А рядом живая красота — Фима продается богатому старику: «Уж лучше один, чем сто». А рядом тоскует и сходит с ума Лиза, но ее тоска непонятна и чужда Вагину. Спектакль в целом верно разоблачает Вагина и вагинных, обнажая в подсобных «жрецах» пре-

красного маленькое эгоистическое сердце. Но Н. Палло слишком бледен в этой роли, ему недостает того внешнего артистизма, блеска, которые делают вагинных более сложными и опасными в жизни.

— Настоящая, бесспорная удача спектакля, — говорит Ю. Герт, — Лиза в исполнении Г. Ереминой. Игра Ереминой достоверна, точна, глубока. И артистке нигде не изменяет чувство меры, чего не сумела избежать в той же роли А. Арефьева, во многих местах сбивающаяся на ложную аффектацию и мелодраму. Среди артистов, хорошо знакомых зрителю, таких, как Т. Козлова, отлично справившаяся с ролью старой няни, или А. Негина, правильно, хотя и не без некоторой «заданности» ведущая роль Меланья, на этот раз нас порадовал В. Самохонский. Не то, чтобы его Чепурной был безупречен — ему явно не хватает жесткости, мужественности, его язвительные сарказмы часто выглядят добродушной воркотней, — но в создаваемом Самохонским образе заметен рост мастерства актера, верное чутье, помогающее овладеть трудной ролью. В логику поступков Чепурнова веришь вплоть до его печального конца — конца человека, у которого достаточно сил, чтобы смотреть тяжелой правде в лицо, но мало сил, чтобы вступить с ней в борьбу — во имя другой, лучшей правды. Еще большая работа предстоит К. Шапошниковой над образом Елены — умной, тонкой, обаятельной женщины и Я. Беловой, играющей горничную Фиму.

«Дети солнца» для нашего театра — спектакль этапный, — считает Ю. Герт.

— Так ли это? — возражает

Н. МИРОНОВА,

архитектор института «Карагандашпроект»

Истинное произведение искусства, а таковым мы, безусловно, считаем пьесу М. Горького, — органично и не нуждается в осовременивании. Считаю совершенно недопустимым вольное обращение с горьковским текстом — пролог, выдернутый из середины, нарушает цельность произведения. Кстати сказать, в нашем театре обращаются так же вольно и с текстами других пьес. Площадка, поднятая над сценой и долж-

показать отрыв интеллигенции от народа, меня также не устраивает. Мысль автора ясна по самому тексту пьесы. Платочек, которым Протасов отмахивается от разъяренной толпы, куда сильнее ее выявляет. Понски в духе «самодельного экспериментаторства», как сказал Л. Ф. Ильичев на встрече с деятелями литературы и искусства, не может иметь успеха в нашем искусстве.

Слово берет

М. МЕЖИБОРСКИЙ,
инженер «Промстройпроект»

— Мы называем театр школой жизни, — говорит он. — А чему могут научить нас, молодежь, такие спектакли, как «Дамы и гусары», «Чужая голова», «Опаленные жизнью», «Чужой ребенок»? Ведь темы этих пьес бесконечно далеки от нашей сегодняшней жизни и не ставят проблем, волнующих нашего современника. Станиславский говорил, что перед каждым художником стоит не только задача поставить спектакль профессионально верно, но и «сверхзадача» — то, ради чего и для чего он это делает. Мне кажется, главному режиссеру театра А. С. Подобеду и художественному совету следовало бы посерьезнее подходить к своей «сверхзадаче». Для чего нужен зрителю тот или иной спектакль? — с этого вопроса должен начинаться свою работу любой неравнодушный к нам режиссер. И, безусловно, только запросы и потребности зрителя должны определять репертуарную политику театра.

Однако то, что мы видели в репертуаре нынешнего сезона, заставляет задуматься: какими принципами в основном руководствуется театр? Ведь по сути дела только два спектакля отвечают желанию зрителя найти на сцене ответ на многие злободневные вопросы современности: «Ленинградский проспект» И. Штока и «Аргонавты» Ю. Эдлеса. Остальные либо уводят нас в средневековую Польшу, либо погружают в самую пучину растленности жизни буржуазного Запада, либо ставят перед наивной в наши дни проблемой женской эмансипации.

Особо хочется остановиться на спектаклях «Чужая голова» и «Опаленные жизнью». Та и другая пье-

сы обнажают язвы буржуазного общества. Первая критикует западное буржуазное «правосудие», вторая вскрывает социальные корни проституции. А в спектаклях нет ни того, ни другого. Есть неприкрытая пошлость в первом случае и дурной детектив вместо разоблачения — во втором. Смакуя перед зрителем непристойности или увлекая его просто остротой сюжета, театр может сделать неплохую работу, но рискует потерять свое доброе имя. Нельзя забывать, что вкус зрителя воспитывает каждый спектакль: и «кассовый» и «некассовый». И если уже сейчас руководство театра стоит перед проблемой привлечения зрителей, то дальше будет, вероятно, не легче, а труднее. Ясно, что та категория зрителей, которая охотно посещает «Чужую голову» и «Опаленные жизнью», не сумеет в должной мере оценить серьезные, глубокие спектакли. Не поэтому ли сняты с репертуара в нынешнем году такие удачные постановки, как «Иркутская история» и «Коллеги»? Путь к успеху не может идти мимо главного, что волнует зрителя. Вот почему, от души поздравляя театр с такой творческой удачей, как «Аргонавты» (режиссер Г. Жезмер), нельзя не выразить сожаления, что этот спектакль почти единственный.

Мы очень хотели бы видеть на сцене современного человека, которому можно было бы подражать в жизни. Пьесы А. Арбузова, М. Шатрова, Н. Погодина дают богатый материал для создания такого образа. И думается, нашему театру под силу постановка больших проблем современности.

А вот что думает

В. МИХАЛЕВ,

инженер института «Гипроуглеормаш»

— Было бы неверным отражать на сцене только злободневные события, — говорит он, — и классика, и произведения зарубежных авторов нам нужны. Но только к выбору их надо подходить тщательно, включать в репертуар пьесы, проблемы которых злободневны и актуальны. И ставить их следует хорошо, более бережно, чем в нашем театре, относиться к авторскому тексту. Иначе произойдет смещение нужных акцентов в спектакле, как это случилось с комедией В. Шкваркина «Чужой ребенок», поставленной Г. Жезмером.

Комедия написана давно, еще в тридцатые годы. Многие характерные для того времени бытовые обстоятельства уже устарели, но еще не стали историей. И потому было понятно и оправдано стремление творческого коллектива «осовременить» комедию, как говорят, прочесть заново. Но приемы, которыми пользовался режиссер и художник В. Григорян, выполняя это намерение, не дали желаемого результата. Таких приемов, в основном два: внешнее оформление спектакля и речь персонажей. Что же получилось? По оформлению спектакля, которое само по себе можно признать удачным, хотя и не лишены недостатков, зрителю трудно определить время действия: декорации весьма условны. Тогда, может быть, по диалогам? Девушка говорит любимому: «Ты студент третьей гильдии», старики небрежно бросают термины: «кибернетика», «электроника», «атом», а затем идут благословлять дочь иконы на фоне пестрого неба с бегающими глазами-сердечками.

Все время не покидает ощущение какой-то разностильности, несоответствия между игрой актеров и оформлением. Игра Н. Пастревича, Т. Козловой, А. Прохорова выпадает из общего решения спектакля. Она слишком для него добротна и тяжеловесна. Снижает впечатление и невыразительная игра Н. Штоколовой (Маня). Это — удача спектакля. Острая, яркая, артистическая работа Н. Палло насыщена живыми красками. Егор Яков стал героем спектакля. Особенно выразительны сцены Н. Палло и Т. Ереминой, лиричные, окрашенные чистотой чувств. Отвечает духу комедии искренняя, мягкая игра П. Солдатовой (С. Перчаткина). Егор герой — робкий неудачник, беспомощно запутавшийся в своих собственных переживаниях.

Но отдельные актерские удачные спасают спектакль. Постановщикам не удалось слить воедино игру актеров и оформление спектакля в внутренним содержанием пьесы. И явная эклектичность вызывает недоумение зрителя. Поэтому хочется пожелать театру не пытаться оживлять конфликты прошлого, а искать пьесы о сегодняшнем дне, о наших современниках. И тем более досадно это говорить режиссеру Г. Жезмеру, который первым своим спектаклем «Аргонавты» как раз и отвел нашему желанию.

Так закончилась конференция зрителей, но разговор о большом искусстве, о людях, которым поручена ответственная задача эстетического воспитания, должен быть продолжен. Сейчас, накануне предстоящего Пленума ЦК КПСС, он особенно своевременен. Весь ход нашей жизни, стремительный и бурный, дает обильный материал для актера и режиссера. Как использует его коллектив театра? Карагандинские зрители правильно подняли вопрос о его репертуарной линии, творческом лице, о режиссерской фантазии и «самодельном экспериментаторстве». Конференция показала, что настало время всерьез подумать о создании такого художественного совета, в котором бы мнение директора или главного режиссера не было единственно неоспоримым, шире привлекать общественность к решению сложных театральных проблем, в том числе и такой, как работа с местными авторами.

Еще три года назад по просьбе театра карагандинский писатель Н. А. Пичугин написал пьесу о шахтерской молодежи, о рабочей советской силе коллектива — «Шуркино дело». Она рекомендована для постановки театрам Всесоюзным управлением охраны авторских прав, но карагандинский зритель ее до сих пор не увидел. Когда А. С. Подобед ставил, к примеру, «Чужую голову», он вступил в переписку с переводчиком Эме, а поработать над пьесой с Н. А. Пичугиным, который живет от театра всего за несколько кварталов, не пожелал.

Тесная связь со зрителем поможет решению других проблем. Конференции же, которые время от времени организует театр, должны быть не парадными, а деловыми. И тогда оживет творческая жизнь театра, тогда он станет «...такой кафедрой, с которой можно много сказать миру добра».

РЕПОРТАЖ СО ЗРИТЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВЕЛИ

Г. БОЙКО,
И. ЛЯХОВСКАЯ.